

Симонян Ренальд Хикарович - руководитель Российско-Балтийского центра Института социологии
РАН

Балтийские масс-медиа: динамика последнего десятилетия

Этнокультурная двухобщинность государств Балтии, прочно закрепившаяся здесь ко второй половине XX века, составляет их важнейшее специфическое свойство. В Литве оно выражено слабее, но Латвию и Эстонию вполне правомерно можно отнести к разряду биэтнических государств, в которых обе основные национальные группы населения существуют обособленно друг от друга. (В Западной Европе классическим примером такого государства является Бельгия, население которой составляют две этнические группы – валлоны и фламандцы.). Параллельное существование в рамках единого государства двух доминирующих этносов может стать источником разнообразных общественных феноменов. Один из них - наличие в стране двух информационных пространств. Сегодня это полностью относится к странам Балтии, где как титульная часть населения, так и русская диаспора здесь живут каждая в собственном мире, в обособленном коммуникативном пространстве, или, образно говоря, на отдельных островах, омываемых различными, а часто и разнонаправленными информационными потоками. Это справедливо отмечает известный российский журналист В.Дубнов, летом 2002 г., посетивший Латвию, в которой, по его мнению, «совершенно мирно, но и почти не пересекаясь, сосуществуют две общины: одна говорит по-латышски, при необходимости любезно переходя на русский. Другая по-русски, которая по-прежнему особой необходимости переходить на латышский не испытывает» (Новое время, № 29, 2002, с.19). В последнее время общественные деятели стран Балтии, в том числе и один из авторов государственной Программы интеграции, принятой правительством Эстонии (Мати Хейдметс), прямо заявляют, что модель этнически разделённого общества – сложившаяся реальность («два общества в одном государстве») [1, с.43], а эстонцы и неэстонцы до сих пор живут в двух обособленных коммуникативных пространствах, имея слабые представления о жизни иноязычной части населения[2, с.3].

Многие социальные, политические, экономические и психологические проблемы, характерные для стран Балтии в последние 12-15 лет, являются или прямым следствием сосуществования этого феномена, или связаны с ним опосредованно. Для нормального развития общества нужен нормальный обмен информацией. Любой вид информационной автаркии вызывает процессы самоотравления общества. Подобная ситуация благоприятствует фабрикациям социальных мифов, появлению и закреплению в массовом

сознании многочисленных предрассудков, ложных стереотипов, что оказывает влияние на развитие всего комплекса общественных процессов, и прежде всего процесса консолидации общества

«Появление, развитие и особенно распространение новых современных средств коммуникации, мимо которых не могли пройти в своей карьере политики, имеющие общенациональные амбиции, - пишет французский социолог Патрик Шампань, - повлекли за собой последовательное перемещение центра тяжести политического пространства к СМИ» [3, 154]. А сама информация становится не только базовой услугой, но и фактором, создающим социальное неравенство, благодаря различным возможностям (или способностям) иметь к ней доступ.

Разумеется, процесс «медиатизации» общественной жизни развивается на конкретном национальном или региональном фоне. В этой связи можно высказать предположение, что вряд ли найдутся в Европе другие такие страны, где СМИ пользовались бы таким доверием, как в странах Балтии. В этом регионе масс-медиа являются важнейшим фактором, определяющим настроение общества. Это подтверждается многочисленными социологическими исследованиями, проведёнными в этих странах. Наиболее масштабное репрезентативное исследование общественного мнения было проведено в Литве в 1999 г., в ходе которого социологической службой Baltic Surveys/Gallup было опрошено 10 тысяч респондентов. Было установлено, что 76% из них больше всего доверяют СМИ. Гораздо меньше население доверяет другим общественным институтам – президенту, парламенту, правительству, местной власти, судам, банкам и даже церкви [4, с.77].

В демократическом государстве социальная функция СМИ предполагает, что они должны отражать разнообразие мнений, различные точки зрения составляющих социальную структуру общества групп и слоёв, предоставлять информацию в объёме, позволяющем каждому её потребителю составить собственное мнение о происходящем. И, что особенно важно, переводить любой конфликт в форму дискуссии, чтобы предотвратить его эскалацию в обществе. Как реализуется эта функция в странах Балтии?

Высокий авторитет СМИ в глазах населения стран Балтии сформировался в 1987/1988 гг., когда пресса, радио и телевидение начали сообщать неизвестные общественности и скрываемые от неё факты истории. Точно так же это происходило тогда в России и других союзных республиках. В тот период советские журналистские кадры вытеснялись волной перестроечных романтиков, профессиональная идентичность которых базировалась на приверженности свободе слова. Тиражи печатных изданий возрастали в десятки раз, и, тем не менее, с утра у газетных киосков выстраивались

огромные очереди. Пик популярности газетно-журнальной периодики пришёлся на период 1989-1990 годы, когда, например, тираж «Советской молодёжи» в Латвии превысил 220 тысяч (среди подписчиков этой популярной латвийской газеты тогда было много москвичей и ленинградцев), а «Молодёжи Эстонии» достиг 96 тыс. экземпляров. После обретения независимости тиражи газет стали быстро снижаться, так как общественный накал пошёл на убыль, и потребность в острых публикациях снизилась. Кроме того, цены на газеты и журналы росли, в то время как материальное положение населения ухудшалось. Однако, начиная с 1994/95 гг. интерес к СМИ в Балтии снова стал возрастать, так как они сообщали немало острых, компрометирующих материалов о власти и её злоупотреблениях. В массовом сознании населения стран Балтии СМИ стали играть роль авторитетного независимого арбитра, который мог разоблачить и морально осудить бюрократизм и коррупцию высокопоставленных чиновников. Независимость медиа-каналов обеспечивалась принятыми во всех трёх республиках в начале 90-х гг. весьма либеральными законами об информации. Этими законами были запрещены все государственные СМИ, а политическим партиям и банкам не разрешалось иметь собственные радио- и телеканалы. Масс-медиа в странах Балтии обладают серьёзным влиянием в обществе и в этом смысле вполне эффективно осуществляют специфические функции «четвёртой власти». Материалы о противоправных действиях чиновников или превышении ими своих полномочий, публикуемые в российских масс-медиа, почти никогда не вызывают какой-либо реакции соответствующих служб, даже если журналистами приводятся копии документов и номера счетов в банках. В странах Балтии положение совершенно иное. Правительственные круги в этих странах вынуждены считаться со СМИ, здесь они являются важным составным элементов формирующегося гражданского общества. В начале 1996 г. премьер-министр Эстонии Тийт Вяхи вынужден был немедленно уйти в отставку после того, как одна из газет опубликовала сведения о том, что его дочерью была куплена в Таллинне квартира не по рыночной, а по остаточной стоимости. И хотя квартира была небольшой, а разница в сумме не очень существенной, отставка премьера была неизбежной. Этот факт является весьма красноречивым показателем кардинальных различий в гражданской зрелости общественных отношений в России и в странах Балтии. К этому можно добавить весьма характерную реакцию представителей российского политического истеблишмента на правительственный кризис в Эстонии. Они никак не могли взять в толк, что из-за подобного малозначительного, по их мнению, факта происходит смена главы правительства.

Что касается экономической независимости балтийских СМИ, то она во многом обеспечивалась тем, что во второй половине 90-х гг. зарубежные концерны, в основном

скандинавские, начали скупать титульные газеты, радио- и телеканалы стран Балтии. По мнению самих журналистов, иностранных хозяев не очень волнуют вопросы внутренней жизни балтийских стран, но очень волнует прибыль. Они смотрят на СМИ как на надёжный и перспективный бизнес. Поэтому политическая принадлежность печатных изданий в странах Балтии осталась неизменной и после приобретения их зарубежными собственниками, которых, как правило, интересуют не столько идеологические позиции газеты, сколько объём рекламных материалов на её страницах. Разумеется, у новых владельцев могли быть определённые вкусы и предпочтения, но в целом на политическом спектре медиа-каналов ни в одной из трёх стран это не отразилось. Ведущие газеты, со своей стороны, получили гарантированность своего существования. Им уже не нужно было опускаться до бульварного уровня в конкурентной борьбе за читательскую аудиторию. Коммерциализация СМИ в середине 90-х гг. лишила многих перестроечных идеалистов жизнеспособности. Их сменили прагматики, понимающие профессионализм как умение квалифицированно выполнять поставленную задачу.

Так же к середине 90-х гг. в странах Балтии произошло общее снижение уровня журналистики, что в целом было характерно для большинства государств постсоветского пространства, в том числе и для России. Это было связано с бурным ростом частных печатных изданий, коммерческих радио и телеканалов, что требовало резкого увеличения числа журналистов. Ни в одной из трёх республик Балтии не было такого количества профессионалов, чтобы заполнить появляющиеся многочисленные вакансии, что привело к определённой девальвации и компетентности, и ответственности журналистов. Это явление в равной мере коснулось как титульных, так и русскоязычных СМИ. Даже в Литве, где русскоязычные (русские, белорусы, евреи, украинцы, и др.) составляют не более 15% населения республики, в 1999 г. на русском языке издавалось 24 газеты и 5 журналов [6, с.76].

Приход неспециалистов в духовную сферу общественной жизни актуализировал проблемы журналистской этики, связанные с публикацией непроверенных материалов, пренебрежением принципом презумпции невиновности, что приводило к многочисленным скандалам и судебным разбирательствам. Аналогичная ситуация складывалась в тот период и в других постсоветских странах, и прежде всего в России. Но к началу XXI века «болезни роста» были в значительной мере преодолены, и в странах Балтии сформировался стабильный информационный рынок.

Показателен и этнический состав редакций газет в странах Балтии. Если в русскоязычных газетах в штате можно видеть сотрудников, представляющих титульные этносы, то в редакциях газет на титульных языках работают, как правило, только

представители титульных этносов. На телевидении эта закономерность проявляется в меньшей степени: в редакциях, ведущих передачи на титульном языке, русских можно найти чаще. Возможно, это связано с какими-то особенностями национальной психологии, отвечающими специфике тележурналистики.

Приведённая здесь таблица достаточно полно характеризует объём и структуру потребления массовой информации взрослого населения стран Балтии, особенности её получения представителями двух основных этнических общин – титульной и русскоязычной.

Таблица 1.

Потребление продукции медиа-рынка в странах Балтии в 2000 г.[11, с. 283]

	Латвия			Литва			Эстония		
	в целом	латыши	нелатыши	в целом	литовцы	нелитовцы	в целом	эстонцы	неэстонцы
читающие общенациональные ежедневные газеты (в % ко всему населению)	71	77	63	65	66	59	58	70	34
читающие общенациональные еженедельники (в % ко всему населению)	57	50	66	54	51	67	48	49	49
читающие местные газеты (в % ко всему населению)	56	67	42	33	35	24	62	73	43
читающие еженедельные журналы (в % ко всему населению)	43	56	28	32	36	20	63	64	62
читающие ежемесячные журналы (в % ко всему населению)	51	64	36	52	56	34	57	72	29
читающие иностранную периодику (в % ко всему населению)	16	10	2	12	7	33	24	17	37
среднее время просмотра телепередач в сутки (часы и минуты)	4.18	4.22	4.13	3.49	3.45	4.04	4.10	3.53	4.39
просмотр государственных телеканалов (часов в неделю)	18	26	5	10	12	5	17	25	3
среднее время прослушивания радиопередач в сутки (часы и минуты)	4.01	4.15	3.33	1.41	1.45	1.25	3.32	3.54	2.52
прослушивание государственных каналов радиовещания (часов в неделю)	32	44	10	32	35	14	33	33	32

Обращают на себя внимание существенные различия в масштабах читателей периодики на иностранных языках: среди литовцев таких всего 7% от взрослого

населения, среди латышей – 10%, среди эстонцев – 17%, что является одним из важных индикаторов западноевропейской ориентации титульного населения стран Балтии. Эстония всегда отличалась большей продвинутостью в этом направлении.

Резко различаются республики и по потреблению местных СМИ. Если почти три четверти эстонцев и две трети латышей являются читателями местных газет, то среди литовцев таких всего 35%. Бросается в глаза также и различие в получении ежедневных новостей между титульным и русскоязычным населением. Особенно заметна эта разница в Эстонии, где ежедневные газеты читают 70% эстонцев и только 34% русских. В определённой мере это объясняет то, почему русские проводят у телевизора в среднем на 46 минут в сутки больше, чем эстонцы. Для получения новостей русские чаще используют телевидение, и, прежде всего, российские каналы. Что же касается местного телевидения, то в каждой из стран Балтии объём телепередач на русском языке на каждом канале не превышает полутора-двух часов в сутки.

Если в сфере газетно-журнальной периодики никаких языковых ограничений нет, то в теле- и радио-эфире во всех трёх республиках существует лимитирование местных русскоязычных программ 20-25%, за соблюдением которых следят специальные комиссии при парламентах. Помимо чисто политических причин это связано ещё и с низкой конкурентоспособностью местных программ на титульных языках. Так, например, в Эстонии аудитория общественно-правового Радио-4 на русском языке, насчитывающая 205 тысяч слушателей, ненамного отстаёт от государственного «Vikerradio» на эстонском языке, имеющего аудиторию в 242 тыс. чел. Кроме Радио-4, которая по одному часу в неделю ведёт передачи на украинском, белорусском, еврейском и армянском языках, здесь большой популярностью пользуется радиостанция «Русское радио» с большей информационно-развлекательной направленностью, её аудитория составляет 139 тыс. слушателей. По признанию эстонских журналистов, радиопередачи на русском языке пользуются не меньшей востребованностью у титульного населения, чем радиопередачи на эстонском языке.

Как было отмечено, в Латвии, Литве и Эстонии существуют два параллельных и обособленных информационных пространства: на русском и на титульном языках. В их пределах по-разному отражаются происходящие в республиках процессы. Журналисты, пишущие для титульных изданий, считают, что главная задача СМИ – информировать и развлекать. Сообщения, основанные на простом перечислении фактов, по их мнению, лучше воспринимаются коренным населением. Российская аудитория легче откликается на эмоционально окрашенную информацию, сухого перечисления событий и фактов ей недостаточно. Поэтому для прессы на русском языке при описании событий характерен

заинтересованный, сочувствующий, или, наоборот, уничижительный, иронический и саркастический тон.

В какой-то мере эти различия коренятся в несовпадении представлений о предназначении прессы. Для титульных изданий характерны ориентация на Запад, в целом положительная оценка состояния экономики, подробная хроника внутригосударственных происшествий, репортажный стиль объективного наблюдателя. Эмоционально заинтересованные публикации можно встретить и в титульной периодике, но доминирует всё-таки известная отстранённость авторов публикаций от описываемых событий, демонстративная беспристрастность. Ещё одно различие связано с тем, что в титульных СМИ значительно больше материалов, подчёркивающих негативные стороны сегодняшней российской действительности.

Русские журналисты исходят из того, что газеты не могут соревноваться с телевидением и радио, так как информацию, которую они передали, газеты могут дать только на следующий день. Поэтому в их среде принято считать, что целесообразнее не дублировать электронные источники, а лучше сразу же дать своё мнение, т.е. пропустить материал через призму личности. Журналист издания на русском языке, в противоположность стремящемуся к «бесстрастности» титульному, изначально ощущает себя активным соучастником происходящего. Он выполняет важнейшую, по его мнению, функцию надзора за деятельностью должностных лиц. В определённой мере это связано с нашими национальными традициями, в том числе и историческими, отсутствием или неразвитостью у нас институтов гражданского общества, роль которых выполняла массовая периодика. Во времена СССР люди писали в «Правду», «Известия» и другие газеты, и, случалось, газеты оказывали им помощь.

В титульных СМИ проблемы рассматриваются, скорее, на абстрактном уровне. При этом акцентируется роль государства, различных его структур. Здесь журналисты чаще исходят из того, что в политике существенны только проблемы, тенденции и конкретные действия. Русскоязычные журналисты, наоборот, стремятся всё рассматривать в «человеческом измерении». В русскоязычных СМИ меньше обобщений, чаще поднимаются проблемы, требующие конкретного решения. При этом в процессе их обсуждения и решения подчёркивается роль самих СМИ. В русскоязычных медиа-каналах доминируют критика существующей действительности, скептическое отношение к сложившейся ситуации, здесь преобладают материалы о защите соотечественников и заметны ностальгические нотки. Разумеется, в русскоязычной прессе меньше негативных публикаций о происходящем в России. И тон публикаций на эту болезную тему не холодный и язвительный, как в титульной, а скорее возмущающийся или сочувствующий.

СМИ всегда служили своеобразным барометром для измерения социокультурных изменений, поэтому они представляют ценный материал с точки зрения исследования социальных трансформаций. Как, правило, социальные и культурные изменения, происходящие в обществе, проявляются в текстах, прежде всего, дискурсивно, т.е. изменяются модели репрезентаций, идентичностей и взаимоотношений. При таком подходе объектом анализа может стать, например, вариативность освещения определённых тем и событий, позиционирования субъектов, использования языка и значений в медиа-текстах [5, с.2].

После психологического шока, связанного с распадом СССР в 1991 г. и последующих двух-трёх лет, когда произошло осознание того, что на помощь из России рассчитывать не приходится, стратегией поведения русской общины становится приспособление к новым условиям. Протестную тематику в русскоязычных медиа-каналах постепенно стали вытеснять адаптационные мотивы, поиски межэтнического консенсуса. Так, в последние годы в русскоязычных СМИ заметно возрос интерес к проблемам включённости русских жителей Балтии в новое общество. К тому времени и национал-радикальные лидеры народов Балтии стали осознавать, что русские в Россию не вернуться, и необходимо искать формы совместного проживания, социальной консолидации общества, а стабилизация государственности создала у титульного населения чувство безопасности. Можно в качестве наиболее яркого и показательного примера общей для всех трёх прибалтийских республик тенденции привести динамику последних трёх лет этой проблематики в эстонских газетах.

Таблица 2.

Результаты контент-анализа эстонской прессы [12, с.9]

	1999г.	2000 г.	2001 г.
количество употреблений слова «интеграция»			
в эстонских СМИ	321	242	199
в русских СМИ	221	225	325
количество статей по проблемам интеграции			
в эстонских СМИ	93	90	87
в русских СМИ	9	14	15

При этом в последние годы и титульные и русскоязычные СМИ совпадают во взглядах на интеграцию как на положительный процесс, необходимый для нормального функционирования общества, когда этнические различия перестанут быть источником напряжения и барьером для продвижения. Русскоязычное население эту позицию

отстаивало с самого начала. Со своей стороны латыши, литовцы и эстонцы, характерной общей чертой которых является ценностное предпочтение по признаку бинарной оппозиции («своё – чужое», «свой мир – мир вокруг нас» и т.д.), определённая автаркическая самоудовлетворённость, провинциальная замкнутость, всё глубже ощущают необходимость интеграции. Если в конце 80-х – начале 90-х гг. у титульных народов Балтии доминировали экзистенциально окрашенные интересы (стабильность, безопасность, солидарность), то сегодня характерен заметный сдвиг к прагматическим и индивидуалистическим установкам. Эта тенденция нашла своё отражение и в титульных масс-медиа [2, с.69].

Стабилизация государственности не только укрепила чувство безопасности, но и способствовала пониманию того, что с русскоязычным населением разумно и полезно ладить. Более того, её следует использовать при построении современного демократического государства. В конце 90-х гг. в титульных СМИ стал высказываться тезис о том, что при столь ограниченных человеческих, интеллектуальных, творческих ресурсах было бы разумно использовать потенциал всего населения [8, с.145].

Во многих титульных масс-медиа доминирующим становится понимание, что жизненно важные для общества цели не могут быть достигнуты в ситуации, когда в государстве сотни тысяч жителей не имеют определённого правового статуса. Влиятельная «Postimees» 2 марта 1999 г. писала, что «интеграция эстонского общества, общественная стабильность и перспектива демократии Эстонии в большой степени зависят от того, насколько быстро исчезнут статус негражданина и обусловленная им неуверенность». И титульные и русскоязычные СМИ согласны в том, что этот процесс должен быть двусторонним. «Если в начале 90-х инородцам ясно давали понять, что будет лучше, если они уедут из Эстонии, - вторит ей 26 мая 2000 г. «Eesti Päevaleht», - то сейчас можно сказать, что интеграционный процесс совершил разворот на 180 градусов». Сходятся они и в оценке политики интеграции, осуществляемой в странах Балтии, как малоэффективной. За десять лет независимости в массовом сознании населения Балтии произошли существенные, и даже весьма неожиданные сдвиги. Парадокс этих перемен состоит в следующем. У русских 10-12 лет назад вызывало беспокойство закрытость титульных, а те в свою очередь считали, что опасность исходит от инородцев. Сегодня, наоборот, уже многие титульные считают, что потенциальным источником опасности стала именно закрытость инородческого сообщества, и связанная с этим этническая разделённость общего социума. Замыкание русскоязычных в своей языковой среде и в своём информационном мире вызывает тревогу у титульного населения и побуждает их к

принятию интеграции как приоритетной социальной ценности. Приводим результаты опроса, проведённого в Таллинне в 2001 г.

Таблица 3.

Динамика оценки населением Таллинна частоты межэтнических контактов в советский и нынешний период [1,с.46].

	национальность			
	эстонцы		неэстонцы	
	N=	в %	N=	в %
стали чаще	49	14,5	85	23,5
сохранились на прежнем уровне	172	50,9	178	49,2
сократились	93	27,5	55	15,2
трудно ответить	24	7,1	44	12,2

Расхождения начинаются в понимании самого понятия «интеграция» и при определении круга проблем, связанных с этим процессом. Как в титульной, так и в российской периодике интеграция рассматривается, как правило, в двух контекстах: политическом (формирование у представителей диаспоры лояльности по отношению к новой стране проживания, увеличение среди них числа граждан) и культурном (прежде всего, освоение языка титульного населения, участия в культурной жизни). Но если два-три года назад в русскоязычной периодике интеграция чаще трактовалась как сближение двух общин, то в титульной как процесс, в котором главная роль отводилась, прежде всего, государству и его институтам. Т.е. доминировало мнение, что интеграция не является заботой, скажем, для рядового латыша, а является компетенцией и заботой латвийского государства.

Более того, в титульных СМИ интеграция чаще рассматривается как трёхсторонний процесс, который касается не только титульных и русскоязычных, но требует также улучшения межгосударственных отношений с Россией, поскольку представители русской общины в значительной степени остались в российском коммуникационном пространстве. Сегодня и в русскоязычных масс-медиа всё большее распространение получает точка зрения, что интеграция является обязанностью государства. В латвийской и эстонской русскоязычной прессе подчёркивается, что если этим не занимается государство, следует обращаться к международным организациям и в зарубежные государства.

Самые существенные различия между титульным населением и русскоязычным в понимании интеграции заключаются в оценке проблем культуры и языка и социально-экономических проблем. Если первые являются приоритетными для титульного

населения, то вторые – для представителей российской общины. Но при этом многие исследователи отмечают, что чрезмерное педалирование языковых проблем, отражает приоритеты лишь части титульного населения, которое не составляет преобладающих статистических групп среди латышских и эстонских респондентов.

В последнее время и на страницах титульной прессы можно встретить суждения о необходимости правового равноправия для всех жителей страны, что пять-шесть лет назад было полностью исключено, даже со ссылкой на международные организации. 8 апреля 1999 г. ведущая эстонская газета «Eesti Päevaleht» в редакционной статье писала: «Европейский союз считает, что интеграцию русскоязычного населения в Эстонии следовало бы ускорить. Целью должно быть предоставление гражданства детям неэстонцев». Рижская газета «Neatkarīga Rita Avīse», рассматривая проблему интеграции, 7 февраля 2000 г. отмечала, что «это требует не только изменений в законодательстве, но и изменения в способах, как иммигранты изображаются в школьных учебниках, в правительственных документах и в медиа». И в титульной, и в русскоязычной прессе термин «интеграция» трактуется очень широко, он используется в различном контексте понимания того, как должен происходить данный процесс. Для титульной прессы характерно представление об интеграции как сближении русской общины и государства. У русскоязычной прессы совершенно иной взгляд на интеграцию: сближаться должны два сообщества.

Как в титульных, так и в русскоязычных СМИ расшифровка понятия интеграция осуществляется по очень широкой оценочной шкале – от крайне отрицательного до крайне положительного значения. Если в титульной периодике подчас выражается сомнительность в её пользе и скепсис по отношению к тем, кто «демонстрируют внешнюю, показную лояльность..., которые хотят интегрироваться любой ценой» (Lauku Vīse, Рига, 19 мая 1999 г.), то в русскоязычной периодике интеграция иногда рассматривается как ассимиляция, необходимая для улучшения генетического потенциала титульного населения. «Интеграция русскоязычных – это ничто иное, как ассимиляция, целью которой является впрыснуть свежей крови в умирающий организм эстонцев» (День за Днём, Таллинн, 17 декабря 2000 г.) Или: «Эстонский народ физически вымирает... А это значит, что всех проживающих в Эстонии следует окончательно интегрировать» (Эстония, Таллинн, 5 сентября 2001 г.).

И в титульной и русскоязычной прессе, прежде всего, подчёркивается роль межведомственных учреждений и политических институтов в процессе интеграции. На это указывают как использованные в тексте источники, так и частота упоминания различных институтов. Причём информация, распространяемая и теми, и другими,

затрагивает чаще происходящее в коммуникативно-языковой сфере, и реже затрагиваются социально-экономические аспекты интеграционных процессов. В меньшей мере это свойственно литовским масс-медиа.

Исследователи единодушно отмечают, что если бы в СМИ на обоих языках по вопросам интеграции высказывалось больше представителей иной национальности, роль СМИ в качестве посредника между сообществами в ускорении процесса интеграции могла бы возрасти. Практика последних десятилетий показывает, что новые информационные технологии способны значительно ускорить темпы политического процесса. В данном случае это относится к процессу консолидации общества в государствах Балтии. Параллельная публикация в русскоязычной и титульной периодике статей, написанных авторами из числа титульных и русскоязычных, оформляющаяся как тенденция, является важным шагом в этом направлении. Причём эта тенденция более наглядно проявляется в русскоязычной периодике. Так, в 1999 г. в четырёх наиболее крупных ежедневных русскоязычных газетах Латвии («Час», «Панорама Латвии», «Телеграф», «Диена») было опубликовано 58 различных материалов латышских авторов, в той или иной мере связанных с проблемами интеграции. За тот же период в четырёх наиболее влиятельных латышских газетах («Diena», «Neatkarīga Rīta Avīze», «Rīgas Santīms», «Lauku Avīze») по этой же проблематике было опубликовано 35 материалов авторов-нелатышей. В том же году в русскоязычной прессе Эстонии было опубликовано 20 интервью с эстонцами, в то время как в эстонской периодике интервью с русскоязычными жителями этой страны было вчетверо меньше – всего 5. При этом и самих интервью русскоязычные газеты публиковали гораздо больше – 42 против 11 в эстонских [2, с.56].

Поскольку как в титульной, так и в русскоязычной прессе мнения и точки зрения представителей различных сообществ чаще воспроизводятся опосредованно, существует вероятность того, что конкретное мнение или сообщение могут потерять смысловую аутентичность и дойти до читателя в искажённом виде или быть представленными в другом контексте. Здесь существенную роль играет и статус авторов. Так, в титульной прессе при публикации материалов по тематике межэтнических отношений наряду с журналистами в качестве авторов участвуют не только политики, но и эксперты, деятели культуры, рядовые граждане. В русскоязычной прессе доминируют журналисты и политики, значительно меньше мнений и суждений рядовых граждан, т.е. в титульной прессе представлен более широкий спектр непосредственных мнений.

В русскоязычных СМИ наиболее часто упоминаются такие события, связанные с интеграцией, которые указывают на наличие конфликтов или разногласий. Положительная информация, так же как и в СМИ России, встречается реже. Это

объясняется тем, что журналистам, а нынешним русским в особенности, свойственна убежденность в том, что отрицательное событие вызывает у читателей больший интерес. С другой стороны, можно фиксировать изменение интонации на более умеренную, постепенное исчезновение из лексикона и русскоязычных, и титульных острых штампов, ядовитых газетных клише, обидных дефиниций (вроде «республики строгого режима» о Латвии, «фашисты» о легионерах¹ в русскоязычной печати; или «времена русских» об СССР, «русская опасность» в латышской; «колонисты», «колониальный период», «пятая колонна» в литовской и эстонской и т.п.), что было особенно характерно в первые годы после восстановления независимости.

С конца 90-х гг. заметно поубавилась антироссийская риторика, в которой больше и язвительнее других преуспевали эстонские журналисты. «В последнее время, говоря о неэстонцах, эстонская пресса старается избегать выражений, указывающих на «оккупационное», «колониаторское» и т.п. отрицательное историческое наследие, а также противопоставляющих неэстонцев эстонцам и Эстонии в целом. Распространёнными стали более нейтральные обращения, которые указывают на связь некоренных жителей с Эстонией: русские эстоноземельцы, местные неэстонцы и т. д.» [5, с.58]. Это особенно показательно, так как большинство титульных СМИ в странах Балтии находится под влиянием правой, националистической части местного истеблишмента.

Проведённые нами исследования показывают, что вопреки общепринятому мнению, чем выше уровень образования – тем выше уровень национальных предрассудков. Возможно, в этом проявляется (на осознанном или неосознанном уровне) банальная конкуренция. Рабочий или мелкий клерк не особенно боится, что его место отнимет интеллигент некоренного происхождения. Совершенно иное положение у высокообразованных лиц, претендующих на привлекательные должности в бюрократии или культурно-образовательной сфере. Для них «этническая чистота» может оказаться конкурентным преимуществом. Поэтому крайний национал-радикализм чаще свойственен не малообразованным слоям населения, как это иногда принято считать, а лицам с высшим образованием. А среди них наиболее радикально настроены окончившие гуманитарные, а не технические или естественнонаучные факультеты. Среди гуманитариев это в большей степени свойственно историкам, филологам, языковедам, искусствоведам и т.п. специалистам, чья профессиональная деятельность связана с акцентированием проблемы национальной идеи и этнокультурных различий. Но как раз они-то и составляет основную часть современного журналистского корпуса, и определяют набор господствующих фразеологем и расхожих представлений в системе массовой

коммуникации. Поэтому качественные перемены в используемом ими лексиконе являются индикатором более значимых общественных изменений.

Тем не менее, титульная пресса балтийских государств никогда не упускает случая «щёлкнуть по носу русского медведя». А наличие российской диаспоры только подогревает такое желание. Финансовое банкротство России в августе 1998 г. дало возможность насладиться этим в полной мере. Особое удовлетворение вызывал у национал-радикалов тот факт, что фирмы и предприятия, которые, несмотря на постоянные русофобские заклинания и предостережения о том, что с Россией нельзя иметь дел, от неё нужно держаться подальше, что ориентироваться следует исключительно на Запад, продолжали с ней сотрудничать, в результате дефолта или разорились или понесли огромные убытки. Владельцы и руководители этих предприятий и фирм надолго стали объектом различных форм общественного глумления и насмешек в титульных масс-медиа.

То обстоятельство, что большинство титульных СМИ находится под влиянием национал-радикальной оппозиции, создаёт дополнительные трудности левым и левоцентристским правительствам этих республик, которые по существу не имеют своих печатных изданий. Деятельность таких правительств осуществляется в обстановке непрерывной и придирчивой критики со стороны оппонирующих масс-медиа. И всё же наиболее остро это проявляется в Литве, где коалиция во главе с партией А.Бразаускаса, авторитет которого среди населения республики очень высок, вынуждена проводить свою линию, подвергаясь ежедневным нападкам правыхⁱⁱ, потерпевших сокрушительное поражение на последних выборах, но обладающих почти всеми крупными изданиями на литовском языке.ⁱⁱⁱ Такие популярные газеты как *Lietuvos rytas*, *Respublika*, *Kauno diena*, *Akistata*, *Valstieciu laikrastis*, составляющие основу медиа-рынка Литвы, находятся в оппозиции к любым попыткам наладить партнёрские отношения с Россией.

Эта ситуация очень напоминает украинскую, где также большинство газет на титульном языке контролируется антироссийскими политиками, в основном сторонниками национал-радикальной партией «Рух», хотя, разумеется, балтийская пресса всё же намного объективней, придерживается более корректной лексики, а русофобия выражена не столь примитивно и откровенно.

С конца 1993 г. в русскоязычных СМИ Латвии и Эстонии практически исчезли публикации, направленные на придание русскому языку статуса второго государственного. Слабость позиции авторов, ведущих эту кампанию, заключалась в том, что они добивались получения де-факто права не владеть титульным языком, не

испытывая при этом в своей профессиональной деятельности и в быту никаких ограничений и неудобств.

Овладение титульным языком – ещё одна важная проблема, где существенную роль в создании соответствующих установок играют русскоязычные СМИ. В них эта проблема рассматривается в двух аспектах: как объект изучения (его роль, значение) и как процесс изучения (возможности, реальные условия). В первом случае даётся позитивная оценка, постулируется необходимость овладения им как необходимость для жизни в Балтии. Во втором случае даётся негативная оценка, связанная с отсутствием государственной программы обучения, недостатком методик, пособий, квалифицированных преподавателей, средств и т.п. Начиная с 1992 г. в русскоязычной прессе стали регулярно печататься уроки титульного языка, а некоторые из них издавали брошюры с этими уроками. В аналитических материалах стали присутствовать кальки с титульных языков, и – такая интересная деталь - в кроссвордах использоваться слова титульных языков.

Статьи, посвящённые обучению титульному языку в школе, в основном, касались необходимости увеличения учебных часов, применения современных методик и пособий, дефицита квалифицированных учителей и т.д. Тогда же постоянным объектом критики становится отсутствие целенаправленной политики государств в обучении языку, недостаточное финансирование, высокая стоимость языковых курсов для малообеспеченных слоёв (безработные, пенсионеры) русского населения. С другой стороны, только в титульной периодике часто упоминается о существующих льготах обучающимся, например, о скидках с оплаты для ряда категорий, о правиле, согласно которому слушателю возвращается 50% платы за обучение, если экзамен им сдан успешно, что характерно более чем для 35-40% оканчивающих эти курсы. А в среднем оканчивают курсы и получают соответствующую категорию 9 из 10 поступивших на них.

В титульных СМИ можно заметить определённые сдвиги в вопросе о владении государственным языком. Особенно существенные изменения за последние годы произошли в эстонской прессе. 18 октября 2001 г. «Eesti Päevaleht» в редакционной статье писала, что «десять лет Эстония развивалась как самостоятельное государство и сейчас должна бы быть достаточно толерантной, чтобы не делить своих граждан на две категории – тех, кто знает эстонский язык, и тех, кто его не знает» Незнание или недостаточное знание государственного языка неэстонцами теперь связывается не столько с их нежеланием, сколько неспособностью государства в достаточной степени обеспечить возможность для изучения языка. Так, ведущая эстонская газета «Postimees» 2 марта 1999 г. писала, что «в заслугу людям, не говорящим по-эстонски, можно поставить то, что

абсолютное большинство из них хочет преодолеть языковой барьер и считает эту задачу первостепенной, в том числе для своих детей. Дело лишь за организацией качественного обучения языку», и «для жаждущих учиться, желание выучить государственный язык не должно выглядеть как стук в запертую дверь» (Postimees, 10 июля 1999 г.).

С другой стороны, и в русскоязычных газетах, начиная с 1994 г., всё чаще появляются материалы, где акцентируется внимание читателей на тех возможностях, которые обеспечиваются знанием государственного языка. Эти материалы обычно преподносятся в форме конкретных примеров успешного продвижения в экономической, политической или культурной жизни.

Если сравнивать печатную периодику стран Балтии и России, то нужно признать более высокий общий профессиональный уровень балтийских журналистов, включая и русскоязычных. Это связано с тем, что процесс лавинообразного роста числа различных изданий в нынешней России не ограничился как в Балтии 1995 годом, он продолжается и в настоящее время. Деквалификация и непрофессионализм пронизывают у нас все сферы общественной жизни, но в журналистике, ввиду массового потребления её продукции, это особенно заметно. У российских журналистов-профессионалов в ходу ядовитый комментарий по этому поводу: «взял барашек карандашк...». Бросается в глаза также и полное отсутствие в странах Балтии очень дорогих и безвкусно оформленных (т.н., «элитных») журналов. У нас в России огромный ассортимент этой глянцевої изопродукции, которая не имеет, практически, никакой читательской аудитории, и поэтому в коммерческом плане убыточна, а существует лишь для удовлетворения тщеславия многочисленных нуворишей и политиков, чьи портреты украшают эту полиграфически роскошно оформленную макулатуру.

Сравнительный анализ потребления титульных и русскоязычных масс-медиа показывает, что интерес к газетной и журнальной периодике у титульного населения значительно выше, чем у русскоязычного. Наиболее важными медиа-каналами для российской общины являются электронные СМИ, потребление же прессы русскоязычной аудиторией характеризуется эклектичностью и нерегулярностью, как при поиске информации, так и при её потреблении. Среди титульных жителей Балтии – самые активные читатели эстонцы, наименее активные – литовцы. Эстонцы лидируют и по числу изданий, и по их оформлению, и по тиражу на одного жителя. Так, в 2000 г общее число названий журналов и других периодических изданий в Латвии было 325, в Литве - 465, в Эстонии – 956, а число экземпляров периодики на одного жителя в том же году составляло в Латвии 13,3, в Литве 9,2, в Эстонии величина этого показателя самая

большая в Балтии– 15,7.[13, с.79], да и общий профессиональный уровень журналистики у эстонцев, пожалуй, выше, чем у соседей.

Объективным индикатором информационной культуры населения является и количество пользователей интернетом в расчёте на десять тысяч жителей. По этому показателю Эстония тоже лидирует среди своих соседей. К началу 2000 г. в Литве величина этого показателя составила 35,1, в Латвии – 69,6, а в Эстонии – 202,1. Для сравнения, в России он составлял тогда 15,9 в Киргизстане – 5,9, в Туркменистане – 5,8, на Украине – 4,8 [11,299].

Значительная же часть русскоязычных мало читает прессу и получает ежедневную информацию из российских и местных телеканалов, или из своего языкового окружения. В какой-то мере это связано ещё и с тем, что жизненный уровень представителей нашей диаспоры в целом ниже, чем у представителей титульного населения. Кроме того, у русских остаётся меньше времени на чтение газет, они, как правило, больше заняты на работе (в том числе и на вещевых рынках, где русскоязычные составляют до 80-90% персонала).

Но следует подчеркнуть то обстоятельство, что большинство существующих в мире политических телевизионных программ в очень большой степени зависят от той информации и тех идей, которые транслируют газеты. Работа профессионального политического телеобозревателя включает в качестве обязательного элемента анализ значительного объёма печатных материалов различного спектра

Разумеется, на облик выходящих на русском языке СМИ оказывает определённое влияние и читательская аудитория, в том числе и потенциальная. Большинство российской общины в Балтии, как уже было отмечено, составляют лица с наименьшим стажем проживания в этих республиках, последняя волна мигрантов. Нельзя сказать, что они являются самыми активными читателями русскоязычной периодики, но эти люди во многом определяют политическое поведение общины в целом, и во многом определяют отношение прибалтийских народов к русским вообще.

Жизнь титульного населения и российской общины протекает в различных социальных сферах, и полноценные контакты между представителями обеих этнических групп относительно редки, поэтому через СМИ происходит существенная часть процесса формирования взаимных представлений и установок у обоих сообществ. В первые годы независимости энергию ложных стереотипов, возбуждённую масс-медиа с обеих сторон, умело использовали крайние национал-радикалы для давления на руководство республик. Известный в Латвии публицист и политический деятель Б.Цилевич считает, что в первые годы независимости официальная государственная стратегия строилась и

популяризировалась «на наборе мифов, комплексов, очевидных для непредвзятого глаза несообразностей» [9, с.268]. В качестве примера он приводит наиболее распространённые. Первый: «Русские жители Латвии нелояльны, если им дать гражданство – рано или поздно они станут «пятой колонной», и Россия вновь оккупирует Латвию под предлогом защиты этих людей». Расхожее мнение о врождённой нелояльности русских опровергает эстонский социолог А.Семёнов, посвятивший этому специальное исследование. В его рамках был поставлен вопрос: может ли целевая установка на лояльность государству быть дифференцированной, если дело касается какой-то конкретной ситуации, например, в случае с необходимостью исполнять законы?

Таблица 4.

Ответы респондентов на вопрос «Если вам надо было бы исполнять какой-то закон или правовой акт, который вы считаете несправедливым или неправильным, как бы вы поступили в такой ситуации? (в %).

	население в целом N=700	эстонцы N=338	неэстонцы N=362
закон есть закон, и его надо исполнять	38	33	43
стараюсь обойти закон	14	12	16
пытаюсь защитить свои права и юридическим путём оспаривать закон	37	45	29
затрудняюсь ответить	11	10	12

То есть среди безоговорочно лояльных к законам доля неэстонского населения больше (разница в 10%). Из чего можно сделать вывод, что проблема «лояльности» неэстонцев является, скорее всего, надуманной. Это, разумеется, не означает, что респонденты-эстонцы менее законопослушны. Но более широкие возможности доступа к информации по законодательству, к участию в общественной и политической жизни формируют у эстонской части населения, во-первых, более критическое отношение к государственной власти и, во-вторых, к способу решения возникающих проблем [1, с.19-20].

Второй миф: «Вот выгоним русских – и на всех всего хватит, будем сами хозяевами в своём государстве». Несмотря на то, что русские налогоплательщики пополняют бюджет по тем же самым нормам, что и титульное население, далеко не все русские обладают равными социальными, а, следовательно, и возможностями в потреблении материальных благ, которые имеют представители титульного населения. Следовательно, наоборот, исход русских только ухудшит материальное положение титульного населения.

Третий миф о том, что «нелатыши быстрее размножаются» [9, с.269-270]. Этот последний особенно глубоко укоренился в массовом сознании латышей. И если подобная тенденция проявлялась в прошлом, то в течение последних десяти-двенадцати лет происходит обратный процесс. Это подтверждается государственной статистикой. Руководитель отдела Департамента труда Министерства благосостояния Э.Витолиньш свидетельствует, что «рождаемость у представителей некоренных национальностей снижалась быстрее, чем у латышей. Ни одна из народностей Латвии, кроме цыган, больше не обеспечивает даже обыкновенную смену поколений» (Диена, Рига, 25 января 1992 г.). Коэффициент рождаемости у латышей в последние годы составляет примерно 8-9 промилле, в то время как у остального населения – всего лишь 6-7 промилле. Это объясняется территориальным распределением населения республики: латыши преобладают в сельской местности, где традиционно уровень рождаемости выше [10, с.121].

Некритичность восприятия новых мифов как одной, так и другой стороной в значительной мере объясняется существованием двух изолированных информационных пространств. Подобные ложные стереотипы массового сознания становятся питательной средой для эскалации межэтнического противостояния. Особенно это было характерно для периода первых лет независимости стран Балтии. В целом средства массовой информации стран Балтии сделали в последние два-три года определённые шаги по сближению двух информационных пространств, по крайней мере можно фиксировать уже хотя бы тенденцию. Но, учитывая их потенциал, пока ещё недостаточно способствуют созданию благоприятной почвы для развития интеграционных процессов в республиках. Это признают умеренные политические деятели и той, и другой стороны. Хотя существуют и объективные факторы, ограничивающие возможности СМИ в этом направлении.

Если российская община практически полностью находится в русском культурном пространстве, то титульное население постепенно утрачивает духовное воздействие русской культуры. За последние десять-двенадцать лет заметно возросло влияние западной, в том числе и западноевропейской культуры на весь балтийский регион, и, прежде всего, на титульное население этого региона. Это отражается и в структуре книгоиздательства стран Балтии, динамику изменений которой можно проиллюстрировать на примере Эстонии.

Таблица 5.

Книги государств Балтийского моря, переведённые и изданные в Эстонии (1985-1996 гг.) [14,с.322]

	1985		1991		1995		1996	
	N	%	N	%	N	%	N	%
Латвия	3	1,4	-	-	3	1,6	2	1,1
Литва	3	1,4	1	1,3	-	-	-	-
Польша	3	1,4	1	1,3	3	1,6	1	0,5
Германия	8	3,6	15	19,5	72	38,5	62	34,1
Дания	1	0,5	-	-	3	1,6	19	10,4
Норвегия	1	0,5	1	1,3	11	5,9	11	6,0
Швеция	4	1,8	9	11,7	22	11,8	29	15,9
Финляндия	8	3,6	20	26,0	56	29,9	48	26,4
Россия	189	86,0	30	39,0	17	9,1	10	5,5
Всего	220	100	77	100	187	100	182	100

Данные таблицы показывают, что если в 1985 г. из 220 книг, переведённых с языков государств Балтийского моря на эстонский, 189 книг представляли собой переводы с русского, что составило 86% от общего количества, то одиннадцать лет спустя эстонские издательства выпустили всего 10 книг, переведённых с русского языка, доля которых в общем балансе переводов из указанных стран оставила всего лишь 5,5%(!). Доминировать стали переводы с немецкого, финского, с языков скандинавских стран. Это наглядно характеризует основные тенденции общества, затрагивающие, разумеется, и титульные масс-медиа. Справедливости ради необходимо заметить, что явный «западный» крен в переводной литературе характерен и для современных российских издательств. Жёсткие запреты и ограничения советского периода сыграли здесь решающую роль. Поэтому часто высказываемые российскими политиками упреки странам нового зарубежья в стремлении к освоению западных культурных ценностей выглядят наивно, так как точно такое же стремление характерно и для населения России.

Примечания.

Список литературы.

1. Интеграция в Таллинне 2001. Таллинн, 2002.
2. М.Лауристин. Интеграция в Эстонии. Таллинн, 2002.
3. Шампань П. Делать мнение. Новая политическая игра. М., 1997.
4. Деловая Литва. Экономика и связи с Россией в 1999-2000 гг., Москва, 2002.
5. П.Таммпуу. Процесс интеграции через призму СМИ. Таллинн, 2002.
6. Русские в Литве – проблемы и перспективы. Вильнюс. 1999.

7. Интеграция Эстонского общества. Таллинн, 2000.
8. Средства массовой информации и современное общество. С.-Петербург, 2000
9. Б.Цилевич. Время жёстких решений. Рига, 1993
10. Бюллетень Института этнологии и антропологии РАН. Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, № 30, март-апрель 2000.
11. Baltic Media in Transition. Edited by Peeter Vihalemm. Tartu University Press, 2002.
12. T.Vihalemm. Identity Strategies of Russians in Estonia, Tartu, 2002.
13. Statistical Yearbooks of Estonia, Latvia and Lithuania, Paris, 2001.
14. Return to the Western Word. Tartu University Press. 1997.

ⁱ Нынешние ветераны-легионеры – это, как правило, жертвы сталинских репрессий. Во время депортаций 1941 года родители, чтобы сохранить жизнь своим детям, заставляли 16-18-летних мальчишек прятаться в лесах. Естественно, что во время немецкой оккупации они записывались в латышский легион, и воевали на стороне Германии. .

ⁱⁱ Одной из причин отказа А.Бразаускаса, занимающего до 1998 г. пост Президента Литвы, баллотироваться на второй срок, где у него не было серьёзных конкурентов, явилась, по его собственным словам, усталость от постоянного психологического прессинга со стороны масс-медиа.